

МОЖНО ЛИ ДОГНАТЬ САМОГО СЕБЯ

ПРЕМЬЕРА

РЕЖИССЕР телевизионного фильма по пьесе Виктора Розова «С вечера до полудня» Константин Худяков говорит: — Мы не старались резко уходить от театральности...

И в самом деле, действие происходит в интерьере московской квартиры. Почти — телеспектакль. Но все-таки почти. Зрелище, показанное нам, начинается и кончается вне этих обжитых стен, как бы уже усталых от накопившихся лет, обид, забот обитателей. Обитатели и сами это чувствуют, пытаются что-то изменить, сбросить, исправить («внутренним способом»: возникает идея перестановки мебели.

Но вся эта устоявшаяся и как бы чуть «провисшая» обстановка наизапа на линию бега. Бежит Леонид Филатов, исполняющий роль Кима Жаркова.

Так уже «рамкой» авторы говорят нам, кого считают центральным персонажем, и мы согласны с ними, но согласиться заставляет нас прежде всего исполнитель.

На дистанции он не один, но его сразу выделяешь. Остальные моложе, энергичнее, это их бег, а тот человек старше, иначе одет, выражение лица его мучительнее, он бежит не для победы и не для себя. Это, видимо, тренер?

Если и существует «играющий тренер», то «бегущего тренера» не бывает. Кадры вырываются за пределы бытового, спортивного правдоподобия, их назначение иное.

Но сначала надо рассказать о доме, который пробегает этой динамикой. Те, кого мы застаем в нем, взяты как бы не в фокусе (Ким, возможно, сказал бы «не в форме»), они не равны сами себе, и это их мучает.

Стареющий писатель Жарков после долгого молчания выносит на суд домашних новую свою вещь, прежде чем предложить ее издательству. В. Санаев играет человека неглупого, чуткого, доброго. Все эти свойства почему-то не объединяются сейчас в талант. Более того, именно они мешают ему обрести утраченную веру в себя.

Дочь Жаркова Нина тоже как бы отстала от самой себя. Она была когда-то влюблена и вот не может выйти из инерции этого состояния. А. Савельева изображает человека трогательного, чистого, но уже несколько болезненного. Желание повторить, продолжить, вернуть прошлое, стремление укрыться в нем не идет для личности да-

И СВОЮ партию этой общей темы «несовладения с самим собой» ведет Леонид Филатов. Этот актер обладает, как известно, умением воплотить черты, которые можно назвать «чисто мужскими». Он резок, жестковат, энергичен, деятелен и т. д.

И здесь это умение нужно ему. Только — в отличие, скажем, от роли в фильме «Экипаж» — оно нужно лишь для начала, для входа в разговор. Мужественные жесты и интонации героя здесь не суть образа, а только некая привычная форма его поведения.

Ким тоже когда-то давно проскочил свой кульминационный пункт. Не стал — «чуть-чуть» — чемпионом мира, ушла от него жена, оставив ему сына, который вот теперь, к началу фильма, вырос. Альберту (С. Федоров)

нелегко с отцом, и Филатов ничуть не пытается смягчить этого обстоятельства. Его герой вроде бы сдерживается, еще точнее — хотел бы сдерживаться, но волей-неволей все пространство вокруг него заряжено электричеством неврастении.

Что этот человек несет в себе, не скрывает, а именно несет, остается пока тайной не только для нас, но и для него самого. Первые догадки появляются довольно быстро, но они именно первые, прикидочные, разговор зайдет много дальше, чем кажется поначалу.

Кима раздражает светская жизнь его бывшей супруги. В первой — теоретической, посвященной в основном дискуссиям — серии он уже бросает ненавистное ему слово «всадники». Всадники расшифровываются как захребетники, что ли, как те, кто хоть по трупам пойдет к своему жадному благополучию.

Именно эта ненависть на первый взгляд велит ему резко восстать против контакта Альберта с матерью — хочется сказать — с бывшей матерью. Но издерганность, мучительность поведения довольно быстро выдает его первую тайну. Увы, этот честный и принципиальный человек все еще любит бросившую его женщину.

Вот и первое открытие: человек резкий, говорящий с повелительными интонациями, — на самом деле человек слабый, незащищенный, обиженный и, более того, готовый простить и забыть обиду.

ОДНАКО характер конфликта, в который он втянут, не таков, чтобы ему удалось отделаться одной, двумя, тремя потерями или уступками. Его супруга (Н. Фатеева) — не тот человек, которого остановит собственная вина или чужая боль. Теперь, когда сын вырос, стал самостоятельным и красивым юношей, можно бы — и значит, надо его отнять.

В ход пускаются все «всаднические» приманки: модная одежда, престижные поездки за границу...

Ким, в отличие от отца, не писатель, не мыслитель. Он спортсмен. И актер честно обозначает данный конкретный социальный образ, с определенным кругозором, с таким-то, а не иным словарем и набором жестов.

Он прежде всего сам, за себя боится потерять сына. То есть — остаться еще более покинутым и одиноким. Но он и вообще принципиально против того, чтобы мальчишку окунули в «сладкую» паразитическую жизнь.

Казалось бы, при таком единстве его личных и общих интересов, его чувств и его принципов, да при его человеческой прямолинейности, резкости он будет бороться за сына до конца, не считаясь ни с приличиями, ни с условностями.

Но бывшая жена знает его лучше нас. А не для того ли удерживает Ким сына, спрашивает она, чтобы вернуть ее?

Это — сильный удар. В нотации шахматных партий после такого ставят минимум два восклицательных знака. Драматургический опыт Виктора Розова объединяет в одной короткой реплике

несколько, как это называется в шахматах, мотивов.

Первый. Киму дают понять, что его бешено отрицаемая влюбленность в ушедшую жену — никакая не тайна. Он весь виден как на просвет, разоблачен и открыт.

Второе. Сама небрежность интонации унижает его, объявляет его любовь жалкой, ненужной, а его мужское достоинство — поправленным.

Третье. Здесь звучит упрек: ты думаешь совсем не о сыне, а о себе...

Теперь у нас новая гипотеза дальнейшего поведения Кима. Он вспылит, будет кричать, выйдет из себя... Мы же помним, как он еще недавно топтал фотографию жены (с «достоевским» штрихом: топтал так, что фотография ничуть не пострадала). Как он ударил Альберта по лицу. Как легко этот взвинченный, нервный человек теряет самоконтроль.

И Ким еще раз опровергает наши ожидания. Спокойно — не просто сдерживаясь, а как-то иначе, действующий смирился себя, — он отпускает Альберта с матерью.

И ВОТ что же это, собственно говоря, такое? Поражение? Сына отняли так же, как когда-то любовь. Принципы «всадничества» победили принципы бегуна на длинную дистанцию. Не правда ли?

Альберт, конечно, клянется, что он никогда «всадником» не станет. Мы вправе отнести к его клятве не без сомнения: ведь оставляет же он близких людей в тяжелый для них момент, как бы обозначая их поражение.

Но дело здесь не в Альберте. Дело в том, как изменился сейчас Ким. Вся его напряженность, на протяжении всей картины обозначавшая, что удержать сына ему не по силам, кончилась.

Эта напряженность косвенно свидетельствовала о какой-то его неполной правоте. Не может же быть, чтобы человек сильный, добрый, понимающий не видел, не знал, не мог найти никакого выхода? Где же его недостаток? Может быть, именно в понимании?

Леонид Филатов так ведет роль, что даже горькая любовь к предавшей его жене не становится последним открытием. Любовь — это в сущности лишь пример неудачи. Разговор идет о нелегко живущем человеке, который огромную часть сил до поры растрчивает не на само движение вперед, а «на гудки»: на нервы, на срывы, на обиду...

Каждый шаг он делает с усилием, а так в естественный ритм трудного бега не войдешь. Надо прежде всего успокоиться, взять себя в руки. Не над данным шагом биться, а попытаться войти в ритм, втянуться, не ослабляя бега, но и не дергаясь.

Итак, на наших глазах отстающий, задыхающийся бегун догнал себя. Он не станет прощать «всадничества» и уступать ему. Но и не будет зря, без толку проклипать его, махать руками. Теперь он лучше, спокойнее все поймет, все увидит...

Альберта притягивает спокойное, уверенное самочувствие «всадников»? Его отец будет не менее достоин, прост, уверен — ведь когда-то победа должна остаться за ним. Мы можем надеяться на этого человека.

Александр АРОНОВ.